ИРИНА ОСТРОВЕЦКАЯ

Веселая поездка

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОНИУМ"

Ирина Островецкая

Веселая поездка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Островецкая И. С.

Веселая поездка / И. С. Островецкая — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Веселая поездка» - блистательный роман Ирины Островецкой, трогательная история о военных баталиях, романтических встречах и возвращении домой после долгой разлуки.В купе поезда дальнего следования Аля неожиданно стала свидетельницей встречи старых боевых друзей, прошедших рядом по пыльным дорогам военного Афганистана.Удивительный рассказ двух сослуживцев, для которых между знакомством и расставанием пролетела целая жизнь, до глубины души потряс молодую женщину. Юной и своевольной Тане пришлось заплатить слишком высокую цену за свое желание освободиться из-под родительской опеки. Девушка понятия не имела о том, к каким страшным последствиям приведёт её необдуманное и спонтанное решение поехать работать медсестрой за границу. После всех ужасов войны в Афганистане, повзрослев и осознав свои ошибки, Таня вернулась в Россию...

© Островецкая И. С.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

НИКОЛАЙ 18
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Ирина Островецкая
ВЕСЕЛАЯ ПОЕЗДКА

Ну, вот и всё. Сегодня вечером я уезжаю. Закончился мой недельный отпуск-командировка. Завтра с утра я должна быть на рабочем месте и при исполнении.

Но ещё только сегодня, раннее утро. Ещё куча времени. Ещё можно не думать о том, что будет потом, а лишь наслаждаться близостью друг друга. Как же мне этого не хватает там, дома. Я часто представляю себе, что бы было, если бы это человек жил в моём родном городе, где-нибудь рядом со мной… Сумела ли бы тогда я сохранить мой дом – мою крепость?

Он любит меня. Его нежная и пламенная любовь чувствуется по всем мелочам, которые окружают меня здесь, в его доме. Как же приятно, что он любит именно так, и меня тянет сюда, как магнитом.

Комната утопает в цветах. Он не такой, как мой муженёк алкоголик. От того не дождёшься даже пучка укропа в июне. Цветы – это его дань нашей любви. Да, это наша любовь, и я свято храню её. Я привыкла к его обходительности, его вниманию, его нежности. Я уже не смогу принять другого к себе отношения. Здесь о муже лучше не вспоминать, а просто, любить и быть любимой. И как же я люблю его! Я тоже стараюсь оказать ему знаки внимания, привезти ему подарки, окружить своей заботой. Я готова ласкать его бесконечно, пока не окончится срок командировки.

В те несколько дней, которые я выкраиваю раз в два месяца, мы пытаемся максимально насладиться друг другом, чтобы с нетерпением ждать новых трепетных встреч.

Иногда по делам он приезжает в мой родной город. Тогда мне приходится искать гостиницу так, чтобы мы могли, как можно чаще, видеться.

Он предложил мне переехать в его дом навсегда. Но в связи с этим предложением возникает бесконечное множество вопросов, на которые никто из нас не может найти ответа, а сложности мы откладываем «на потом» при каждой новой встрече.

Мы перестали задумываться о будущем. Мы принимаем в настоящем всё, как есть и ценим каждый миг, прожитый вместе.

Сегодня вечером я уезжаю. Он остаётся один. Дома меня ждёт семья, работа и никакой радости в личной жизни, а он остаётся здесь, и будет жить в ожидании нашей следующей встречи, он будет терпеливо ждать…

Время безжалостно, оно не даёт оглянуться назад. Даже если и сделаешь попытку, то будешь жить лишь воспоминаниями о прошлом. Лишь воспоминаниями…

Весь день я прожила в сказке. Вечер подкрался так неожиданно и коварно украл это прекрасное волшебное очарование последних минут, проведенных вместе… Всё, надо торопиться на вокзал.

Городок, в котором он живёт, и городом-то трудно назвать. Это один из самых маленьких и уютных городов нашей страны с одноэтажными домами и с великолепно отлаженной сарафанной почтой. Тут не спрячешься, не затеряешься. Все новости передаются с космической скоростью. Все друг друга знают, все друг о друге всё ведают. Вокзала как такового тоже нет. Есть место остановки поездов, железнодорожная станция. Пассажирские поезда останавливаются на две минуты, чтобы подобрать желающих и продолжают свой вечный путь.

Мы вошли в вагон вместе. Он нёс мой чемодан, у меня в руках была лишь сумка с документами.

Проводница, разбитная деваха, лет тридцати, деловито поковырявшись в носу, покровительственно улыбнулась ему и разрешила проводить меня до места. В билетах, которые я, обычно, покупаю на этой станции, места не указываются. Я должна занять любое свободное место.

– Скажите, пожалуйста, есть ли свободные нижние полки, – спросила я у проводницы.

– А он там, у кунце вагона, – ответила она, мягко выговаривая букву «г».

– Пойдём быстрее, а то я не успею выйти и поеду с тобой, – сказал он, и мы по возможности быстро пошли в указанном направлении.

Мы нашли то, что было нужно в самом последнем купе, возле туалета. Он дёрнул ручку двери купе, пытаясь его открыть.

– Хто провужае, злазьтэ, щас поезд пуйдэ! – Нам вдогонку закричала проводница. Её дикий суржик, косящий под жуткую интеллигентность, чуть не свалил с ног, но времени для оценки ситуации не было.

– Всё, уходи, а то не успеешь сойти, – заволновалась я.

– Когда ты приедешь? – спросил он, требовательно притянув меня к себе и страстно целуя на прощанье.

– В конце следующего месяца, как только оформлю командировку. Беги скорее, не сможешь выйти!

– Не волнуйся, у нас ещё тридцать секунд. Я всё успею. Я буду ждать тебя! – крикнул он мне уже на бегу.

Он легко спрыгнул с подножки вагона, когда состав начал медленно двигаться. Он шёл за поездом и махал мне рукой. На глаза навернулись непрошенные слёзы. Как же не хочется расставаться с тобой, любимый, как же я не хочу уезжать! Как долго ждать следующей командировки!

Вытерев слёзы, я подхватила свой чемодан, дёрнула ручку двери купе, и она медленно поползла в сторону.

В купе сидел один мужчина лет пятидесяти. Он был в майке и спортивных штанах. Был он тучный, лысоватый, его большой живот мирно покоился на коленях. Из выреза майки всклочено торчала густая поросль седых волос, и это немного возбуждало.

На столике лежала кипа бумаг. Мужчина в руках держал калькулятор. Его полные губы шевелились. Видно было, как ему трудно. Но он упорно трудился, не отвлекаясь на посторонние раздражители.

Мужчина поднял голову на шум открываемой двери и, увидел меня, втаскивающую свой полупустой чемодан в купе.

– О, сокупница! Ну, тэпэр нэ так скучно будэ йыхать! Тэпэр мы удвох! Заходь, заходь, – сказал он тоже, как и проводница, на диком суржике, выхватывая у меня чемодан из рук. – Ты шо, тут сила? От добрэ, а то ци бамаги мэнэ задралы! Давай, допоможу! Живу людыну бачу! – Он поставил мой чемодан под полку, не спрашивая меня ни о чём, а я не успела сказать, что нужно достать из чемодана спортивный костюм, мыло зубную щётку и кое-что ещё.

«Родственник проводницы» с усталым ехидством подумала я и села на свободное место в углу возле столика. Мне не хотелось разговаривать, ведь каких-то пять минут назад я рассталась со своей любовью и сама не знала, как надолго. Мне хотелось улечься на манящую полку и обо всём забыть до утра, а завтра на работе моя печаль сама собой отойдёт на второй план, лишь где-то в затерянном уголке души будет жить маленькая надежда. Но, видно, такое моё поведение не входило в планы мужчины. Ему было очень скучно, он хотел завязать беседу, невзирая ни на какие мои хитрости.

– А чого вин з тобою не пойыхав? – спросил он так, чтобы завязать беседу. Я понимала, что мой ответ его мало интересует, поэтому промолчала.

– Ну не кажи, як не хочеш. Я ж бачу, що вин тэбэ любыть. Дуже любыть. От, як я свою Наталку, дружину свою. Ми з нэю вже дуже довго живэм, а скилькы пэрэжилы, ты б знала… От, як ти думаеш, скилькы мэни рокив? Та не дывысь на мое пузо, на лицэ мэни дывиысь! – Сказал он, не дождавшись от меня ответа.

Я подняла голову, посмотрела в глаза этому неугомонному пассажиру, и, вдруг, улыбнулась, сама не понимая, почему. Столько в его взгляде было теплоты душевной! Той теплоты, от которой невозможно отвернуться, отгородиться. Всё равно не устоишь, пойдёшь на контакт.

– Ну, не знаю, боюсь ошибиться. Наверное, пятьдесят уже есть, – осторожно сказала я.

– Ага, е, и трохы бильше. А як ти думаеш, скилькы в нас з Наталкою дитей?

«Ну, раз так спрашивает, то, скорее всего, – отец-герой и детей у него не меньше трёх» подумала я, но, чтобы не ошибиться, сказала:

– Четверо?

– Ты майжэ вгадала! – почти ликовал он, – Пьятэро. Тры дочкы и два сына, о!

Теперь я смотрела на него во все глаза. Пять детей, их же надо прокормить, одеть, выучить! Действительно, Отец-Герой! Ведь их пятеро! Вот он и мотается по командировкам, зарабатывает капитал для семейного бюджета.

А я, что делаю я? Удираю из дома в командировку, чтобы хоть какое-то время не видеть своего благоверного алкаша, вечно врущего, вечно пьяного, никогда ни о чём не переживающего? Оставляю свою десятилетнюю дочь на мамино попечение, еду в командировку и, в то время, когда моя дочь живёт без меня, я нахожу свою единственную любовь и забываю обо всех тревогах на свете на срок командировки.

Но я каждый раз возвращаюсь. У меня не хватает душевных сил разрушить тот мир, в котором живёт моя дочь. Ведь материальную заинтересованность никто не отменял. И если я всё поломаю, что будет с моей девочкой? Я не в состоянии обеспечить ей нормальное будущее, зарплата моя не внушает доверия, а как ещё подработать, не знаю, не понимаю. Как оказалось, я, имеющая два высших образования, совершенно не подготовлена к новой жизни. Не сумею выжить без поддержки…

Мысли, мысли… Они безжалостно колючи. Нигде от них не укрыться…

Я вернулась из страны своих грёз сюда в купе от какого-то громкого стука.

– Давай за знаёмство выпьем! – Откуда-то из другого, чужого и враждебного для меня, мира я услышала голос свого «сокупника».

Я увидела, что на столике, прямо на документах, появился пятилитровый бутыль домашнего вина, и остолбенела.

– Я не пью, – робко возразила я.

– Та ты шо, цэ ж кампотык! – весело воскликнул он. – Давай, давай, не стисняйся! А в тэбэ запывачка е?

Я вопросительно посмотрела на «сокупника». Я совсем не понимала, чего он хочет.

– Ну, якась йижа в тэбэ е? – спросил мужчина с такой надеждой, что я пожалела, что отказалась взять в дорогу хоть маленький бутерброд!

– Нет, я в дороге не ем, и, специально, не беру с собой никакой еды. Есть только бутылка «Миргородской», маленькая бутылочка.

– Так ты шо, зовсим не йисы? А як же ти завтра? Ти ж мабудь з пойызда на роботу пидэш? Шо, фыгуру бэрэжэш? От дурна!

– Завтра чем-нибудь перекушу в буфете на работе.

– И всэ?! Ни, так нэ пидэ! Я у Львови выйду, тошнотыкив куплю, Шоб було чым зайыдать, а поки шо пый так, воно як кампотык, от побачыш! Нэ пьють тилькы фори люды. Ты ж нэ фора?

– Нет, вроде…

Он налил в, невесть, откуда, взявшийся, пластиковый стакан тёмной, тягучей жидкости. По купе разлился приятный тёрпкий аромат.

– Боже, как пахнет! – воскликнула я, не удержав эмоций. – Откуда же такое богатство?

– Та ты пый, не пытай! Це мэни друзи в дорогу налылы. Дужэ вкусно. От спробуй! Цэ воны сами роблять отакэ.

Он протяну мне пластиковый стаканчик с таким задором, что я автоматически приняла от него эстафету.

– Ты красыво казать можеш? – спросил весельчак. Я пожала плечами, а он продолжал, совсем не обращая внимания на мою скованность: – От ты йыдешь додому. Чы з дому?

– Домой, – эхом откликнулась я.

– От, я ж и кажу: додому. И я тоже йыду додому. Я уже всэ уладнав. Тэпэр можна и додому. Давай выпьем за тэ, шоб у нас у дома всэ було добрэ. Давай?

Я согласно кивнула, понимая, что дома никогда хорошо не будет. Я не в силах изменить навязанный мне мною же самой, опостылевший до безумия, уклад жизни.

Он залпом выпил вино из своего стаканчика. Я понюхала эту тягучую, ароматную жидкость и тоже пригубила.

– Та ты нэ нюхай, ты пый! – сказал он, весело наблюдая за моими действиями.

Я отпила ещё один глоток. Чудесный напиток разлился по рту волшебным эликсиром. Я сделала глоток, и грудь наполнилась теплом. Стало так приятно! Душа повеселела.

– Ну шо? Ну як, вжэ вэсэлишэ? – спрашивал он, весело заглядывая мне в глаза.

– Ты хоч скажи, як тебе зваты-вэлычаты? Мене зваты Мыкола, а ты хто?

– Меня зовут Аля, Алефтина Сергеевна, – почему-то, быть может, по привычке, поправилась я.

– На шо мэни твий батько? Аля и всэ! Я ж нэ кажу, шо я Володымыровыч, я Мыкола и всэ!

Вот так я познакомилась с чудесным, добрейшей души человеком, отцом пятерых детей. Он оказался кадровым военным, полковником. Дома он не был около двух месяцев, и сейчас возвращался после напряжённой длительной командировки из-за границы. Он выполнил задание и не совсем знал, какие сюрпризы ожидают дома. Очень переживал, и строил планы, как действовать в непредвиденных обстоятельствах.

Все дети у него были с семьями, кроме младшей дочери. Она окончила школу в его отсутствие. Он не успел вернуться домой и не был на выпускном вечере у своей малышки. Очень переживал и вёз огромное количество подарков семье. Он боготворил свою жену, не представлял своего существования без неё, но, как и все мужчины, любил хорошо выпить и приударить за слабым полом.

У него было два внука и одна внучка. Это было его богатство, достояние его республики.

Всё это рассказывал он мне, совершенно незнакомому для него человеку, с такой любовью и гордостью, это невозможно было слушать без слёз.

Прошло минут тридцать. Мы стали, как будто родственниками. Казалось, мы знаем друг друга тысячу лет. Трудно было представить, что мы когда-нибудь расстанемся и никогда больше не встретимся. Но жизнь не оставляет места для сантиментов.

Неожиданно дверь купе дёрнулась и приоткрылась. В проём вставилось лицо проводницы.

– Я в вас билэта забрала? – спросила она.

– Нет, – спокойно ответила я.

Дверь открылась пошире, и вся проводница протиснулась к нам в купе. Она по-деловому отодвинула бутыль в сторону, разложила свою сумку прямо на бумаги Николая, совершенно не заботясь об их сохранности.

– Давайтэ ваш билэт. Вам юого повэрнуты в кинци?

–. Да, у меня командировка, надо отчитаться, – сказала я.

– Зараз я до вас у купэ удну дивчыну посэлю. Скандалистку, – безапелляционно сообщила проводница и вышла. Наше мнение богиню вагона абсолютно не интересовало. Нам оставалось только безропотно ожидать пополнения.

– А постель? – закричала я ей вдогонку.

Лицо проводницы снова вставилось в проём двери.

– Зайдэтэ и вузьмэтэ, Груши з субою визьмить. Чы я щэ нусыть вам должна?! – вознегодовала проводница.

– От так. Бачиш, Аля? Я зара пиду и визьму. Ты сыды, допывай. Я прыйду и щэ наллю. В мэнэ рука добра, щаслыва, от побачыш.

Николай пошёл за проводницей, я осталась одна в купе, одна со своими мыслями, со своей судьбой. Дверь купе закрылась, и под мерный стук колёс и покачивание вагона я задремала.

Вечер, нежный и ласковый, как галантный кавалер, приглашая звёздную красавицу-ночь спуститься на землю, успокоил буйные ветра и стал зажигать огни в домах, на фонарных столбах.

Мне приснилась моя дочь. Будто она не знает решения задачи и просит меня ей помочь. Я чего-то злюсь, а потом вдруг понимаю, что решить эту задачу могу только я. Никто другой нам с дочкой не поможет. Я должна найти решение, ведь завтра учительница поставит плохую отметку. Мне будет очень стыдно, если я не решу эту проклятую и такую простую задачу. От злости я сильно бью учебником о стол…

Я проснулась оттого, что загрохотала, открываемая Николаем, дверь купе.

Он внёс постельное бельё, и протянул его мне. Я потянулась за кошельком.

– Нэ трэба грошэй, я всэ владнав, – сказал он тоном, нетерпящим возражения.

Но я не привыкла к подобным подаркам и всё-таки достала кошелёк.

– Я тоби кажу – нэ трэба грошэй! Я всэ владнав, – сказал он, как отдал приказ. Потом взял у меня из рук кошелёк и сунул его в мою же сумку. Вопрос был закрыт и не подлежал обсуждению.

– Зараз до нас дивку прывэдуть. Оту скандалистку. Шукалы, шукалы йий мисцэ, та до нас и послалы. Постэлю визмэ и прыйдэ. Давай свое мисце владновуй.

– А как же вы? Где ваша постель? – удивлённо спросила я, уразумев, наконец, что комплект только один.

– Мэни постэли не трэба, бо я раньше выхожу. Так, шо, давай, влаштовуйся и выпьем знову. Давай, давай. Разговорчики в строю!

Я достала из чемодана спортивный костюм, зубную щётку, мыло, полотенце, постелила свою постель и уже собиралась попросить Николая выйти, чтобы переодеться. Но тут дверь купе снова открылась. В проёме двери появилась рука с постельным бельём. В коридоре слышался звонкий голос обладательницы этой самой руки. В идеоматических и очень крепких выражениях кто-то объяснял своё отношение к нашей проводнице в частности, и к нашей железной дороге вообще.

Наругавшись вволю, женщина переступила порог нашего купе.

Она была, достаточно молода, но не первой трепетной молодости. Ей было лет тридцать, не больше. Одета она была в старый, видавший виды, спортивный костюм и истоптанные, но дорогие кроссовки. Вещи на ней были добротные, фирменные, но уж очень затасканные и не совсем чистые. Она пыхтела и сопела от возмущения и никак не могла успокоиться после сражения с нашей богиней вагона.

В этот момент в вагоне включили свет, который осветил красное, разгорячённое лицо вошедшей дамы. Барышня оказалась довольно привлекательной наружности, но её пышущее жаром от злости и негодования лицо ещё пылало неудержимой яростью.

– Здрасти! Свободно где? – спросила она зло и звонко. Ей трудно было сразу переключиться на мирный лад.

– У вэрху усё свободно, – спокойно ответил Николай.

– От гады, обещали нижнюю полку, от брехуны проклятые! – воскликнула барышня, ни к кому конкретно не обращаясь.

Мы с Николаем изумлённо смотрели на неё и не знали, что сказать, а она не переставала возмущаться.

– От б… и такие, я ж сказала, что вещей много, я одна еду, мне трудно, я же забашляла! И это ещё мурло в юбке, финтиклюшка долбанная, никак не хотела меня никуда определять. Будто я зайцем еду! От, курва толстозадая! Ну, посмотрим, доеду я домой и посмотрю, как она будет знакомиться с моими братиками.

Вся речь вошедшей была, как удобрениями, сдобрена такой ненормативной лексикой, что, видавший многое, Николай не смог совладать с собой.

– Стоять, смирно!!! – вдруг рявкнул Николай. Я, аж, подпрыгнула на своём месте, аж, рванулась с необъяснимой готовностью исполнять команду и пребольно ударилась головой об верхнюю полку, но на меня уже никто не обращал внимание.

Женщина изогнулась, как от удара хлыстом по спине и стала медленно поворачиваться в сторону Николая, будто в замедленных съемках.

– Ну шо, сидай со мною, отут сидай, – довольно дружелюбно, но твёрдо сказал Николай, указывая на свободное место и улыбнулся.

Женщина уставилась на него не то с испугом, не то с негодованием и не могла вымолвить ни слова.

– Ну сидай, сидай, чого стойиш? Я нэ кусаюсь.

– Там в коридоре вещи, – ошарашено сказала она.

– Дэ твойи вэщи? Давай допоможу, – предложил Николай.

– Там, – женщина нерешительно ткнула рукой в дверной проём.

Николай встал и вышел в коридор вагона.

– Ого-го! – послышался его изумлённый голос. – Цэ шо, усэ твое?

– Ну да, а вы думаете, чего я ругаюсь? Я ведь взяла билет назад заблаговременно! Ещё переплатила кому следует и в итоге что?!

– Нэ рэпэтуй. Давай усэ занэсэм у купэ, а потим будэм розставлять, – послышался спокойный голос Николая.

– Давайте, – уже мирно согласилась женщина.

Они стали таскать в купе багаж, а я сидела в углу на своём месте и растирала ушибленную макушку.

А поезд всё ехал и ехал, увозя нас всех вперёд из прошлого в будущее. Каким будет завтрашний день, никто из нас не знал. За окном сгустилась синяя тьма, и только одинокие фонари на миг освещали наше купе, наши лица.

– Ну шо, розсилыся? – Весело спросил нас Николай и подмигнул мне, когда с багажом было покончено, и все сидели на своих местах. – Тэпэр давай з тобою, чортова лялька, знайомыться, – обратился он к новенькой. – Мене звуть Мыколою, оцэ Аля, – указал он на меня, – А ты хто, звидкы,?

– Леся, – уже более спокойно сказала женщина. – Мне до конца ехать.

Выяснилось, что она села в поезд на той же станции, что и я, обошла несколько вагонов и, только в нашем нашлось бедняге место. А багажа у Леси было прилично много. Ей было тяжело, неудобно, плохо, грубость проводников окончательно вывела её из себя, вот она и сорвалась. Но её срыв ускорил поиск свободного места! Как только проводники поняли, что от неё не отмахнуться, засуетились и быстренько нашли бедной женщине искомое. Но остановить приступ её ярости и поток бурной брани было уже невозможно. Она кричала и ругалась, и проводникам ничего не оставалось, кроме как молча делать свою работу, потому, как её ненормативная лексика не поддавалась описанию.

Леся была частным предпринимателем и работала «челноком», то есть ездила в маленькие города или за границу, скупала товары и везла домой. Дома у неё был свой магазин. В работе ей помогали братья.

У Леси было двое маленьких детей. За ними присматривала её мать, потому что безжалостный бизнес не оставлял Лесе времени на домашние дела и детей.

Леся обеспечила своей семье нормальное существование. Семья ни в чём не нуждалась, жила в собственном доме, имелась машина. Отдыхали только за границей. Каким же трудом это всё было достигнуто?! Но Леся привыкла к такому бурному ритму жизни, и уже не могла остановиться.

Привезя товар, выставив его в магазине на продажу, она опять собиралась в дорогу, чтобы снова и снова идти по замкнутому кругу.

Развод с мужем заставил Лесю уволиться с копеечной спокойной работы и заняться таким тяжёлым, неженским делом. Но детей надо было кормить, а рассчитывать на алименты не приходилось, и она приняла решение идти работать на базар продавцом.

В любое время года, в любую погоду, не обращая внимания на болезни и простуды, Леся работала.

Потом, став частным предпринимателем, сама приобрела «точку» на базаре, и дело пошло.

Братья сначала отговаривали, обещали содержать её, и её детей, но потом, втянувшись в работу, сами освободились от своей занятости и стали помогать Лесе в её нелёгком деле.

Свою блистательную лексику Леся отточила на базаре, ненормативные слова быстрее долетали до нужных ушей. Там же научилась выпивать и давать отпор каждому, кто посягал на её свободу, собственность, на её дело.

Замуж больше не выходила, мужчинам не доверяла. Спала лишь с теми, кто был полезен для дела. Постоянных привязанностей у Леси не было.

– Ну, шо, Коля, ты наливаешь? – воскликнула Леся. – Давай мне стакан! А ты шо, Аля, отстаёшь? Мы ж познакомиться должны!

– Да я уже выпила, – промямлила я.

– Давай, я щэ наллю, – с готовностью сказал Николай.

Мне хотелось спать, и чтобы все оставили меня в покое, но Николай, как настоящий гипнотизёр, с помощью своего бутыля, заставил меня пополнить запасы спиртного в пластиковом стаканчике.

– В тэбэ запывачка е? – спросил Николай Лесю. Леся ничуть не смутилась, но еды и у неё не было. В суете, она забыла кулёк с провизией на станции, когда грузила багаж в вагон. Не до еды ей было, остановка всего две минуты, но она нисколько не переживала. Она знала, что голодной не останется, что-нибудь купит по дороге, или кто-нибудь накормит. У неё даже вопрос о еде не стоял. Леся знала, что если она проголодается, то еда найдётся сама собой. Об этом она не беспокоилась. К этому приучил её базар.

– А ты шо, голодный ездишь? Вон, какое пузо откормил! Тебе неделю жрать можно не давать. Куда твоя экономная жена смотрит?

– Ты мою жинку нэ чипай, вона свята. На тоби стакана, трымай крэпшэ, я налываю.

– Ничего себе, машина! – воскликнула Леся, указывая на огромный, пятилитровый бутыль. – Как же ты его попрёшь домой?

– Та шо ж я понэсу додому, як мы його тут выпьемо! Шо ж тут пыть на трёх? Цэ ж кампотык!

Тут даже видавшая виды Леся скорчила удивлённую рожу.

– Ну, ты силён, мужик! Ну, давай выпьем за знакомство и за огромную силу русского духа! Если пять литров твоего «кампотика» нас не свалят, то и мы ещё кое-что можем, правда, Аля?

А я в уме разделила пять литров на троих и окончательно приуныла. Что я буду завтра делать со своей головной болью, посещающей меня каждый раз после грандиозных пьянок?

– Аля, ты пьёшь? Давай не вешай нос! Мы с тобой бабы крепкие, всё одюжим!

Леся, Леся, она пила наравне с Николаем и нисколько не пьянела, а у меня уже основательно заплетался язык. Я уже заблудилась в пространстве и времени, мне уже на всё было наплевать. Мне впервые за много лет было легко и беззаботно. Со мной были такие приятные люди, они любили меня, они жалели меня. Я, как будто, снова вернулась в детство. Боже, мой, как здорово!

– Ты дывы! Аля зовсим видъйыхала! – воскликнул Николай.

– Да она просто нетренированная, не обращай внимания, Коля, давай, наливай, пусть перекимарит до Львова! – слышала я, как в волшебном сне, разговор двух эльфов, и мне было так хорошо, так спокойно, так уютно!

– Ни, вона, мабуть, голодна. В нэйы ниякойи йыжы нэмае. Зараз будэ Львив. Я выйду, шось куплю, якыхось тошнотыкив-рыгачыкив, шоб вона чогось пэрэкусыла, шоб нэ пьяною була.

– И я, как на зло, забыла пакет с едой на станции!

– Ничого, я всэ куплю. В нэйи дуже паганэ жыття, я ж бачу! Йыйы трэба пожалиты. Вона хороша жэнщына, я ж бачу!

– Та ты шо, Коля, ты шо, всех жалеешь? А чего же ты меня не пожалеешь?

– И тэбэ жалию, та ты така, шо за сэбэ постоишь, а вона нэ така, нэ вмие вона…

Их разговор, как журчащий ручеёк успокаивал нервы, а они всё говорили и говорили, и было так приятно, что о тебе, хоть кто-то в кои-то веки позаботился…

– Ну от и Львив. Пойызд стойыть двадцять мынут, то я пиду, шось куплю, – словно из пустой бочки, услышала я голос Николая. – Эй, Аля, шо ты хочэш пойысты? – спросил он у меня.

Но мне было так хорошо, так не хотелось просыпаться! Я бы так ехала и ехала, хоть на край Земли, хоть в небеса, неважно зачем, лишь бы все беды и тревоги не догнали в пути.

– Оставь её в покое, не видишь, устал человек. Купи что-нибудь вкусненькое, питательное, ну, ты сам знаешь, что. Иди, иди, а то останешься во Львове, в своих командирских спортивках и в драных тапочках. Ещё тот видок будет!

Николай ушёл. Леся занялась устройством своего места. Я опять провалилась в какую-то липучую мглу, из которой никак не могла выбраться уже пару часов…

– Аля, ты переоденься, пока Колюни нет, а то так в платье и доедешь, – услышала я сквозь липкую дрёму.

– Аля, ты слышишь? – меня уже тормошили Лесины руки, не давали мне укутаться своей дремотой. – Вставай, Львов проспишь!

В соседнем купе что-то громко стукнуло, послышались недовольные голоса. Кто-то громко ругался. Этот шум окончательно разбудил меня. Спать больше не хотелось, хмель больше не докучал, и состояние моё было прекрасным.

– Что, уже Львов? А где Николай? – спросила я.

– Опомнилась? Он пошёл что-нибудь купить поесть.

– А сколько поезд стоит?

– Двадцать минут. Ты не вопросы задавай, а переодевайся. Ты же всё достала и сидишь на этой куче. Давай, быстренько переодевайся.

Мы обе сменили одежду, прибрались, а Николая всё не было. Я начала волноваться. Всё-таки из-за меня человек пошёл в буфет за едой, хоть я его и не просила.

Я вышла в коридор и выглянула в окно в надежде увидеть знакомое лицо, но тщетно. Николая не было, а до отхода поезда оставалось семь минут.

Заходили новые пассажиры, искали свободные места, ругались, смеялись, тащили свой багаж, прощались.

Но вот по коридору в направлении нашего купе задвигалась какая-то процессия. Впереди шёл молодой человек с двумя внушительными чемоданами. Он заглядывал в каждое купе, ища

свободное место. Все места были, очевидно, уже заняты, и лишь в нашем купе была свободна одна верхняя полка.

Молодой человек оценивающе осмотрел меня с ног до головы и спросил: – Вы из этого купе?

– Да.

– У вас что-нибудь свободное есть?

– Да, одна верхняя полка.

– Вот, чёрт, Фёдор Степанович, только верхняя полка, что делать? – сказал молодой человек, растерянно оборачиваясь к мужчине, идущему сзади.

– Саня, я же тебе сказал, что мне срочно надо ехать. Этажность уже не имеет значения. Надо было раньше чухаться. – Густым басом сердито сказал мужчина. – Очень жаль, что нет нижней полки, но что поделаешь, если обстоятельства против тебя! Поеду, уж как придётся. Ты, балбес, не взял билет на скорый, я тебе это ещё припомню. Ладно, давай, укладывай чемоданы и проваливай. Через неделю встретимся.

Молодой человек втащил чемоданы в купе, а мужчина остался в коридоре вместе со мной. Он уже собирался со мной заговорить, но…

– Фёдор Степанович! – Послышался из купе голос молодого человека, – Тут всё заставлено, некуда поставить ваши чемоданы!

– Ты не дури, Санёк, укладывай багаж и убирайся к чертям, чтоб я тебя неделю не видел и не слышал!

– Да я не дурю, Фёдор Степанович, тут действительно всё заставлено, некуда ваши чемоданы девать!

– Ну, что ж, если ты такой неуклюжий, то бери мои чемоданы и беги с ними за поездом.

– Фёдор Степанович, вы сами посмотрите, а потом говорите!

– А над дверью ты смотрел?

– Нет, – нерешительно сказал молодой человек. – Да, тут можно пристроить оба чемодана.

– Ну вот, а ты говоришь, нет места! Ты должен всё проверить, а потом имеешь право голоса, понял?

В дверном проёме купе появился глупо улыбающийся Саня.

– Всё, давай, улепётывай, завтра созвонимся. Давай, давай, шевелись, а то поедешь со мной и за меня будешь ответ держать.

– До свиданья, Фёдор Степанович!

– Ты ещё здесь? А ну, давай отсюда, быстро! Отчёт готовь! – скомандовал Сане новый наш «сокупник».

Саня убежал, мужчина зашёл в купе.

– Вы не уступите мне нижнюю полку? – Услышала я его голос.

– А я на верхней еду, не ко мне обращайтесь. – Это уже Леся.

– А кто на нижней, эта молодая леди в коридоре?

– Да.

Я перестала прислушиваться к разговорам в нашем купе. Поезд вот-вот тронется, а Николая нет и нет. Я очень переживала, что он не успеет, отстанет, поезд уедет без него…

Состав легонько качнулся и пошёл, дернулся, остановился и опять медленно двинулся вперёд, постепенно набирая скорость. И в этот момент я увидела Николая, выходящего из здания вокзала. Он увидел, что поезд пошёл, смешно подпрыгнул и помчался догонять наш вагон. Я не ожидала от такого тучного мужчины, как Николай, такой прыти. В несколько прыжков он догнал ускоряющийся поезд, вскочил на подножку вагона, и, вот, он уже идёт по коридору с пакетом в руке, отдуваясь, но весёлый, счастливый.

– Ну шо, пойыхалы? – весело сказал мне Николай. – Пишлы у купе, я запывачку прынис. Дужэ вкусно будэ. Пишлы.

С этими словами он вошёл в наше купе.

– О, у нас гости? – спросил Николай нового пассажира.

– Нет, это новый пассажир. – мрачно сказала Леся.

Николай прошёл к столику и положил на него пакет с едой прямо на бумаги, ничуть не беспокоясь об их сохранности. Из пакета выпало несколько пирожков. Они медленно покатились по бумагам, оставляя за собой жирные следы, на что Николай не обратил никакого внимания.

– Ну шо вы вси повставалы? Давайтэ сидайтэ, спробуйтэ, шо я прынис. Дужэ вкусно. Давайтэ, давайтэ. Сядэмо, выпьемо, пэрижэчкамы закусымо, поговорымо.

Я ужом прошмыгнула на своё место, Николай тоже занял свою изначальную позицию. Леся бесцеремонно подвинула нового пассажира и села рядом с Николаем. А новый пассажир стоял в нерешительности. Ему нужна была нижняя полка, но обе полки уже имели своих хозяев, и никто не собирался идти этому самовлюблённому типу на уступки.

Новый пассажир был довольно крупным мужчиной, но его полноту скрадывали высокий рост и великолепная осанка, даже можно сказать, военная выправка. Одет он был с иголочки. И часы… Золотой «РОЛЕКС», это не наша «ЧАЙКА». Он, как кот переступал в своих дорогущих мягких модельных туфлях и не знал, куда ему сесть. Оставалось одно свободное место, на моей полке.

А Николай уже копошился у своего бутыля, наполнял пустые пластиковые стаканы домашним вином.

– Давай, сидай з намы до столу. На, выпый! – сказал Николай новому пассажиру.

– Извините, но я не пью в дороге. – подчёркнуто вежливо отрезал мужчина, садясь в угол возле двери купе на мою полку. Он не обратил внимания на то, что моя постель расстелена, просто сел, и всё.

– Як нэ пьеш? Такого нэ бувае. Ты шо, форый? – Удивлённо спросил Николай. Он просто не понимал, как можно не пить такое волшебное вино.

– Нет, всё нормально. – сказал мужчина, откинулся к стене и закрыл глаза, давая нам понять, что разговор окончен. Мы все его нисколько не интересовали. Он отгородился от нас стеной отчуждения до небес и не позволял никаких поползновений с нашей стороны с ним ближе познакомиться. Всем своим напыщенным видом он убеждал нас, что он не такой, как мы.

– Ну шо ты такой неродной, у тебя шо, завтра распродажа со скидками?! – воскликнула Леся, загнув витиеватый базарный оборот.

Мужчина открыл глаза, всем телом подался к Лесе и уставился на неё холодным немигающим взглядом.

– Ну что ты к мужику пристала! – Пьяно воскликнула я, почувствовав неладное. – Давайте лучше выпьем, кто следующий тост говорит?!

– Нет, пусть он расскажет, почему он такой отмороженный! Шо, дольше жить хочет?! С плебеями не общается?! – доставала дальше мужика Леся. – Он даже не представился, не сказал, как его зовут. У меня вы сразу всё выпытали, а этот хмырь молчит, какдырявый лапоть. Надо же, ему багаж в купе занесли, всё по местам расставили, а я, как дура, по вагонам с клумаками моталась, пока здесь не осела.

– Ну, если сама моталась, значит, дура и есть. – Сквозь зубы процедил наш новый попутчик, неожиданно обращаясь к Лесе.

– Леся, прекрати! Давай выпьем за встречу хороших людей! – Сказала я и подняла свой пластиковый стаканчик. – Пусть он не пьёт, он устал, потом к нам присоединится.

– Да какой же он хороший? Ты от него хоть слово хорошее слышала? Он умеет только приказывать и в г…но макать. Ты же слышала, как он со своим шестёриком разговаривал. Точно, готовится спихнуть партию залежалого товара. Я знаю, у меня глаз намётанный!

Ну не надо было Лесе его так подначивать, может, всё бы и обошлось, всё бы закончилось тихо. Но Леся по-особому относилась к мужчинам и не терпела к себе невнимания и пренебрежительного отношения. Любым путём, с помощью чудовищных подколов и подначек, она решила обратить на себя внимание этого холёного кота. Леся даже представить себе не могла, каким бывает этот кот в ярости.

– Девочка моя, сядь и усохни! – прошипел мужчина, – Не знаешь, что говоришь. Ты пьяна, и ведёшь себя как бомжиха.

Большего оскорбления для Леси, добившейся всего своим трудом, нельзя было и придумать.

– Ах, ты ж, гад толстозадый, ты шо, думаешь, нацепил дорогие шмотки, так и оскорблять можно? А по-хорошему мы не умеем, мы ж не того поля ягоды! Чё на самолёте не полетел, пинчар поролоновый?! Нижнюю полку ему подавай, а дерьма на лопате не хочешь? Полезешь на верх, как миленький, никто подсаживать не собирается, у-у, урод лысый!

Мужчина не нашёлся, что ответить на такие речи, или посчитал не нужным, ввязываться в дальнейшие дебаты, но Леся, её уже понесло, она не могла остановиться.

– Я одеваю таких козлов как ты уже много лет. Вот костюмчик у тебя от Жермино. Достойная фирма. Не многие могут позволить себе такую роскошь. А размерчик богатырский. Ты здоровенный битюг, на тебе пахать можно, тебя просто так не оденешь, а ты с иголочки одет, заказываешь на фирме, что ли?

– Есть такая фишка, как индпошив, слыхала, ты, кошка драная?! – спокойно сказал мужчина. Его железной выдержке можно было позавидовать.

– Это я драная?! Да шо ты знаешь о жизни народа, новориш проклятый?! Ты знаешь, как тяжело жить, как трудно сводить концы с концами?! Ты знаешь, как трудно ввозить товар?! Каждая гайка норовит что-нибудь хапнуть на шару, а ты сторожем при товаре, спать не будешь, пока не довезёшь до места! Это вы нас грабите, жиреете, богатеете. Конечно, хорошо из грязи в князи, если баня своя есть! – Возмущённо уже кричала Леся, густо вставляя крутые словечки, чем очень позабавила нового попутчика.

– Леся, успокойся, я тебя очень прошу! – воскликнула я. – Ну, чего ты к мужику привязалась? Ведь он тебя не трогает, сидит себе в сторонке, дремлет. Очень положительный тип. Не приставай к нему с глупостями.

– Это шо, я к нему с глупостями? А он шо, умный, да? Вот пусть расскажет умник честному народу, чем он занимается, откуда едет. Шо ему, западло с нами поконтачить? Может он враг народа, а мы с ним в одном купе едем! Его властям сдать надо. Ещё обзывается, боров неколотый!

– Леся, ты выпый и видстань вид чоловика. – строго сказал Николай, до сих пор не проронивший ни слова. – Вин тэбэ нэ чипае, и ты його нэ чипай. Хай соби йидэ.

– Вы все Родину по кускам растащили! И кого в дерьмо макали, спорный вопрос, – вдруг устало, но отчётливо по слогам выговорил мужчина, закрыл глаза и откинулся к стенке купе, считая разговор оконченным.

Я не сразу поняла, что произошло в следующий момент. Вдруг Николай вскочил и, так же, как и я, со всего маху ударился головой о верхнюю полку, но не обратил на это даже малейшего внимания. Он отшвырнул Лесю, будто пушинку, в сторону. От его доброжелательности не осталось и следа.

Леся повалилась на полку кулём с мукой и, тоже, стукнулась головой, но о стенку купе.

Звон от этих ударов прокатился по воздуху и стал как бы сигналом к началу военных действий. Николай в миг проскочил в образовавшийся проход мимо Лесиного зада и купей-

ного столика с бутылью вина на нём. Он уже рядом с незадачливым попутчиком, так неосторожно обронившим ненужную в данный момент фразу. Руки его судорожно сжимают лацканы дорогого пиджака опешившего мужика. Николай с силой потянул его на себя, и, вот уже оба стоят, сцепившись, в проходе купе и с яростью смотрят друг на друга.

– Ты шо сказав, муфлон лысый?! – Прорычал Николай. – Хто цє Родину продав, я? Ты знаешь, кого втуды макалы? Та я за Родину говна в Афгане найывся до несхочу. Ах ты ж гад! Так хто Родину продав?!

Ярость в глазах нового пассажира сменилась удивлением, его хватка ослабла.

– Ты был в Афгане? Когда? – шёпотом спросил мужчина.

– Да, был в апреле восьмидесятого. Там я проходил переподготовку.

От суржика Николая не осталось и следа. Сейчас он говорил на чистом деловом русском языке.

– Ты, что, думаешь, если мы вооружение продаём, так это мы Родину по кускам растаскиваем?

Мужчина смотрел на Николая и молчал. Ярость в его глазах сменилась чудовищным удивлением с примесью радости. Николай кричал, ругался, а тот стоял как вкопанный, смотрел на своего противника и ошеломлённо молчал.

– Да, я танк вчера продал венграм, так это же для пользы моего полка, а не мне в карман! Ты хоть представляешь себе, как трудно накормить солдат, когда ничего достать нельзя?! А на эти деньги мы купим инвентарь и трактор. Пахать начнём.

Мы с Лесей сидели тихо, как мышки, потирая ушибленные места, и не знали, как разрядить накалившуюся обстановку, а наши мужчины стояли, сцепившись в проходе купе, словно два упрямых барана, не желавших уступить друг другу дорогу. Один из них был в ярости, а другой чем-то очень удивлён.

– Подожди, друг, не кипятись! Скажи ещё раз, где и когда ты был в Афгане? – спросил новый пассажир.

– Да я же тебе говорю, в восьмидесятом, в апреле на переподготовке. Меня послали изучать действие нового вооружения в боевых условиях на два месяца. Но мне пришлось там пробыть две недели. Дерьма наглотался, на всю жизнь хватит. А потом – госпиталь, а потом – домой. Трагедия у нас на точке случилась. Страшная трагедия. Чудом жив остался. Нас с Таней Рыскиной тогда домой отправили и меня после того уже не посылали в горячие точки. Чуть руки не лишился. Вот так-то брат. А ты говоришь, Родину по кускам. Эх ты, тыловик чёртов!

– Так ведь и я был в Афгане в это же время. Не тыловик я, кадровый офицер. Тут ты, браток, ошибся. Ты мне кого-то напоминаешь, только не пойму, кого.

– Да я две недели только и был там, а потом – госпиталь под Москвой. Рука у меня болела сильно. У нас весь лагерь бандиты вырезали, в живых остались я и медсестра.

– Так это ты Николай Забродин?

– Да, а откуда ты знаешь?

– Так я же твои позывные поймал тогда, уже под утро, когда всё это произошло. Меня Фёдором зовут. Я – Фёдор Кронов. Ты хоть помнишь, кто тебе отвечал?!

– Нет. Уж очень тяжело было. Танька ум потеряла, с ней надо было возиться. А потом она со мной маялась, когда с рукой плохо стало.

– Таня Рыскина потом стала моей женой. Она теперь Кронова.

– Да ты что, ведь так не бывает! – Бывает, Коля, бывает. А яблоки помнишь? Я, хоть, и слаб был, а на всю жизнь запомнил.

Их яростная хватка превратилась в дружеские объятия, и они оба, перебивая друг друга, стали рассказывать свою трагическую историю нам, совершенно неискушённым в войне, незнакомым женщинам.

В тот вечер я поняла, что такое война. Это кровь, боль, потеря друзей, родных, близких, тех, кто не хотел убивать, но кого чей-то приказ заставил принимать бой, убивать, преследовать противника и уничтожать его. Я узнала цену предательства и настоящей, крепкой мужской дружбы.

НИКОЛАЙ

Николай посмотрел в окно, в спокойную бархатную темноту летней ночи, мчащейся навстречу и начал свой неторопливый рассказ.

Он окончил одну из престижных школ столицы с золотой медалью, но не стал поступать ни в какой ВУЗ. Его призвали в армию. После окончания срока службы Николай остался в рядах Советской армии сверхсрочно. Ему нравилась такая жизнь. Служил старательно, добросовестно. Командование отметило заслуги Николая и командировало его в военную Академию. Учился он легко, ему было интересно. Окончил Академию, нашёл свою Наташу, женился и продолжал служить. У него появились дети – дочка и два сына.

Но однажды Николая отправили на переподготовку в Афганистан. Обещали неучастие в военных действиях. Только два месяца учёбы. Всего два месяца – и домой.

Он служил добросовестно уже неделю. На точке его уважали. Он был рассудительным, компанейским, понимал ребят.

Однажды кто-то из бойцов притащил на точку самогон и бидон малосольных огурцов. И пошла пьянка! Весь вечер веселились. До отбоя.

Но вот уже отбой. Часовые заняли посты. Заснули бойцы. Вокруг воцарилась тишина, только цикады пели свои вечные песни.

Ночь была тёмная, безлунная. Всё было спокойно и ничто не предвещало беды, страшной беды, непоправимой…

Где-то, через час после отбоя у Николая сильно заболел живот. Начались рези. Живот не унимался, рези замучили. Видно, эта пьянка плохо повлияла на его здоровье. Никак он не мог успокоить свой взбунтовавшийся организм. Сильно тошнило.

Пришлось отправиться в сортир.

Сортир был построен из неотёсанных досок над выгребной ямой на скорую руку. Через определённое время эту яму очищали. Находился сортир за палатками бойцов и командирским вагончиком. Место его расположения не освещалось, но тщательно охранялась вся территория точки, и опасаться вроде было нечего.

Николай очень долго не мог заставить свой организм работать нормально, унять тошноту, успокоить рези в животе. Но, вот, вроде, всё улеглось. Ему показалось, что на это потребовалась целая вечность. Николай вышел из сортира и облегчённо вздохнул. Можно было идти в палатку и отходить ко сну.

Он уже собирался, обогнув комвагончик, выйти на освещённую территорию, но тут на всём бегу на него налетела медсестра.

– Там, там… – бессвязно лепетала она и указывала рукой в сторону палаток бойцов, ошалело вращая глазами.

Николаю было хорошо, комфортно, нигде у него не болело, всё в организме пришло в норму, и он никак не мог понять, что несёт ему эта глупая девчонка.

– Там, там… Бандиты… – прошептала она. В её глазах было столько дикого, необузданного ужаса, столько боли, что Николай, мимо воли, обнял её, притянул к себе.

– Ну, что ты, Танечка, успокойся, – так же шёпотом сказал он ей. – Какие бандиты? Мы же далеко от военных действий. Успокойся.

– Они у-убивают. Всех убивают. Всех спящими-и-и!

Таня вдруг села на корточки и тихонько заскулила, как смертельно раненная сука, которая уже поняла, что умирает.

– Я в окно выскочила, и они меня потеряли… – речь её была бессвязна. Трудно было что-то понять. А Таня сидела на корточках и тихонько скулила.

Николай выглянул из-за угла комвагончика, и всё увидел сам. Всё понял. Он не мог помочь никому. Врагов было слишком много.

– Таня, вставай, – шёпотом приказал он медсестре, но она сидела на корточках, раскачивалась из стороны в сторону и скулила, скулила…

– Вставай, говорю! – Николай дёрнул её за полы халата и поставил перед собой. – Слушай мою команду! Мы с тобой – представители нашей Родины. Слышишь?! Я – твой командир! – он дёрнул её изо всех сил, встряхнул. Её голова заболталась из стороны в сторону, но в глазах промелькнул хоть какой-то смысл.

– Ты слышишь меня? Кругом, шагом марш в сортир! – отдал он ей приказ шёпотом, но очень резко.

Таня, словно зомби, повернула в сторону сортира и безвольно побрела, будто вслепую, не видя дороги.

Николай снова выглянул из-за угла комвагончика. По территории точки бегали какие-то люди, одетые в не нашу одежду. Они переговаривались на непонятном Николаю языке и убивали, убивали наших ребят… Тех, с которыми Николай так сдружился, с которыми пьянствовал накануне вечером!

Но с врагами был наш замполит, Васька Зотов. Он был с ними за одно, он ими командовал, он свободно говорил на их языке!

«О, Боже правый! Ты всё видишь, всё знаешь! Ведь это он, Васька Зотов, принёс на точку самогон и огурцы! Значит, это кому-то было нужно! А Васька кому-то помог! Значит это он предатель! Это он!» – подумал Николай.

– Тварь продажная! – сквозь зубы процедил он и повернулся к Тане. А та брела к сортиру поникшая, сгорбившись, и, как будто, ничего не понимала.

Николай в два прыжка оказался рядом с девушкой. От неожиданности она дико взвизгнула.

– Тихо ты, дура! Это же я, Николай! – он зажал ей рот своей ладонью и подтолкнул к сортиру.

– Быстрее, быстрее в сортир! Танечка, быстрее!

Тане будто этого только и надо было. Она как быстроногая лань понеслась к сортиру, Николай не отставал от неё. Они влетели в сортир и Николай тихонько прикрыл за собой дверь, но не закрыл на крючок. Таня оглянулась. В темноте дико сверкнули белки её глаз.

– Что теперь дела-а-а-ть?

– Прыгай! – приказал ей Николай и подтолкнул к отверстию в помосте. Таня дико и вопросительно взглянула на него.

– Прыгай, говорю, чёртова кукла! Жить хочешь?! Прыгай!!!

Таня как-то съёжилась, будто уменьшилась в размере и нерешительно шагнула к отверстию в полу.

– Прыгай, тебе говорю! – прорычал Николай, – И тихо!

Он сильно толкнул её, и она безвольно, не отдавая отчёта в своих действиях, полезла в отверстие в полу, спрыгнула в эту зловонную, кишащую червями, жижу, которая доходила ей до пояса. Она затравлено смотрела вверх, на него. А он тоже полез в это отверстие и спрыгнул к ней. Таня завыла, но Николай своей грязной рукой снова закрыл ей рот.

– Тише, Танечка, тише. Нас тут не найдут. Тише, родненькая. Ну, кому взбредёт в голову нас тут искать? Тише, миленькая, молчи, что бы не случилось, молчи! – шептал он ей на ухо. – Вот тут есть отверстие. Тут дышать можно. Дыши, детка, дыши. Тихо, тихо…

А наверху уже кто-то ходил, слышалась чужая речь вперемешку с русскими матами.

Но вот послышались знакомые слова, знакомый голос. Голос замполита Васьки Зотова. Он ругал кого-то такими словами, что даже видавший многое Николай присел от неожиданности.

– Ищите их, сволочи, б…и! Где они?! Куда могли деться?! Двое их! Ты, дебил, понимаешь, что это значит?! – кричал кому-то Васька Зотов. – Я же просил никого не трогать!..

– Да, – ответил кто-то другой на ломанном русском языке. – Панымаю, толко нэт ых, удралы!

– Искать! Я приказываю, искать! Никуда они не могли деться отсюда! Горы везде! Искать, сволочи! Упустили!

Кто-то неумело по-русски оправдывался, объяснял, что нет их нигде.

– Ты понимаешь, кого упустили?! Связиста и медсестру! Ты, дурья твоя башка, понимаешь, что это такое?! – кричал в бешенстве замполит. – Медпункт разгромить! Радиостанцию разбить! Чтобы ничего не осталось! Ибрагим, ну-ка, пошеруди в сортире!

Тонкий луч фонарика, как масло, разрезал зловонную темноту сортира.

– Нэт тут ничэво! – услыхали Таня с Николаем чей-то голос. – Что-то бэлое плавает, тряпка какая-то, а так ничэво.

– Искать!!! – во всё горло гаркнул замполит. – Возьми багор и проверь им!

Затопали шаги, всё затихло.

– Тише, Танечка, это нас ищут. Тише, родная. Дыши, дыши… – прошептал ей на ухо Николай.

А у Тани открылась неукротимая рвота. Николай крепко прижал девушку к себе и начал укачивать её, шёпотом напевая все известные ему песни.

Они стояли, крепко вцепившись друг в друга, под порогом сортира, там, где темнота была особенно густой, там, где их не могли заметить, там, где можно было незаметно вдохнуть пол вдоха свежего воздуха…

Вот снова послышались чьи-то шаги, слышно было, как с размаху распахнулась дверь сортира. И снова, громко топающие шаги у них над головами, отдающиеся тупыми ударами в сердце. Николай снова своей железной рукой зажал Тане рот. Снова луч фонарика разрезал зловонную темноту выгребной ямы. Кто-то сверху очень внимательно осматривал всё, что внизу.

– Нэт тут ныкаво! Ну, сам сматры, нэт ныкаво!

– А это что там белое такое? Ну-ка багром подцепи!

В отверстие сунули багор и подцепили Танину косынку, которая спала с головы девушки, когда та спрыгнула в выгребную яму.

– Что делать, Коля? – сдавленно взвизгнула Таня.

– Стоять смирно и молчать, – шёпотом отдал Николай приказ на ухо Тане. – Стоять и молчать, девочка моя. Молчи, моя хорошая. Молчи, молчи и дыши…

А багор, тем временем, бередил зловонную чавкающую жижу, и луч фонарика неотрывно следовал за ним. Вот он наткнулся на бок Николая… Николай извернулся, и багор прошёл мимо. Обладатель этого доблестного оружия там наверху не понял, что он зацепил.

Всё это действо длилось бесконечно долго. Багор всё шарил и шарил в жиже, но до спрятавшихся в ней людей не дотягивался никак.

– Ну, что там? – это голос замполита.

– Нычэво, кроме, вот это.

– Это её косынка, дурень! Где она сама?! Где, я тебя спрашиваю?! Искать! Время уходит! Не успеем! Искать!!!

И снова багор шарит по выгребной яме, но уже не так рьяно, как-то лениво, как будто для очистки совести.

– Нэт там ныкаво. Сматры сам!

– Время! Отходим! До рассвета надо уйти за перевал. Радиостанцию разбили?

Кто-то что-то ответил, но Николай ничего не понял, слишком далеко находился отвечавший.

– Ну, хоть это отрадно, – проворчал замполит. – Всё, бросай багор, пошли. Я же просил никого не убивать, кроме одного! Кто вас просил перерезать всех?!

В яму полетел багор, а следом за ним кто-то помочился.

Снова затопали шаги над головами. Дверь сортира с грохотом захлопнулась, задрожали ветхие стены нужного сооружения, послышались удаляющиеся шаги, затихающие голоса людей.

А Николай с Таней замерли, мёртвой хваткой вцепившись друг в друга. Они не знали, сколько так простояли. Всё пространство вокруг было пропитано гнетущей вонючей тишиной испражнений и рвотных масс. Это пугало, настораживало, мешало вылезти из укрытия.

Но вот первые робкие серые лучи солнца пробились сквозь многочисленные щели ветхой постройки. Начался рассвет.

Николай решил вылезти из ямы и разведать обстановку.

– Ты здесь остаёшься за старшего, поняла? Стой здесь смирно и молчи, что бы ни случилось, молчи, только дыши. Ты поняла меня, поняла? К стене прижмись и молчи!

Таня закивала головой, не в силах ответить.

– Таня, Танечка, ответь мне, ты поняла?!

– Да, – судорожно ответила Таня.

Николай решил вылезать из укрытия не через отверстие в помосте, а через отверстие, оставленное для очистки выгребной ямы. Он отчётливо понимал, что его легко будет обнаружить по зловонному следу. «Так хоть не через парадный выход. Хоть так», – думал он.

За сортиром, в двух шагах от него вздымалась вверх отвесная скала. Когда строили это нужное сооружение, оставили немного места, чтобы можно было очищать его от нечистот. Этого места вполне хватило, чтобы Николай мог беспрепятственно вылезти из выгребной ямы и укрыться между скалой и сортиром. Крадясь, он обошёл своё ночное укрытие и дошёл до комвагончика, и уже собирался выйти к палаткам бойцов, как на голову ему кто-то спрыгнул с крыши комвагончика. Но Николай распространял такое чудовищное зловоние вокруг, что человек, спрыгнувший на него, отскочил как ошпаренный, но тут же обернулся и метнул нож в Николая. Этого мгновения замешательства Николаю вполне хватило для оценки ситуации. Он успел увернуться от ножа, который просвистел совсем рядом, лезвием коснувшись волос, и воткнулся в обшивку комвагончика.

– Промазал! Какой дорогой подарок! Спасибо тебе, Господи! – пробормотал Николай, выдёргивая встрявший нож. Он повернулся к нападавшему, а тот уже стоял в боевой стойке с новым ножом в руке.

Николай отчётливо понимал, что перед ним враг безжалостный, беспощадный. Враг, который принимал только одно решение задачи – смерть, его, Николая, смерть. Но Николай распространял вокруг себя удушливую вонь выгребной ямы, и это мешало врагу сосредоточиться.

А Николай понимал, что сейчас решается его судьба, судьба его семьи, судьба Тани, судьба наших ребят, которые находятся в дне пути отсюда. Он должен, просто обязан выжить и предупредить своих об опасности, о предательстве, о смерти.

– Ах, ты, вражина, ну давай посмотрим, какой балет ты придумал! – Воскликнул Николай, а нападавший молча, молниеносным движением метнул второй нож в Николая. Николай снова сумел увернуться от смертельного удара. Но нож метнули довольно точно, перед ним был профессионал и он знал своё дело. Лезвие этого второго ножа задело плечо Николая, пропороло рукав гимнастёрки и опять воткнулось в стенку комвагончика.

– Спасибо, дорогой, вы так любезны, а то мой пистолет залип. Ты знаешь, чем он залип? Знаешь, скотина?! Ну, теперь поехали!

С этими словами Николай метнул трофейный нож в нападавшего на него человека. Нож просвистел по воздуху и воткнулся в шею противника. Послышался предсмертный хрип. Человек, нападавший на Николая, повалился на бок и упал совсем неестественно.

– Надо же, попал, с первого раза попал! Не зря в «городки» играл в детстве… – воскликнул удивлённо Николай. – Ну что ж, друг, извини, мы на войне!

Николай ещё не научился убивать. Этот был его первым. Он благодарил Бога за то, что остался жив и ещё не совсем понимал, что он сейчас победил свою смерть.

Этот бой длился считанные минуты. Человек, напавший на Николая, не проронил ни слова. Ни один его возглас, кроме предсмертного хрипа, не нарушил убийственной тишины этого раннего и такого страшного утра.

«Почему так тихо? Почему они не стреляли, не подожгли ничего? Странно!» – думал Николай, огибая комвагончик.

– Вот, гады, что наделали! – воскликнул он, увидев страшную картину в серых предрассветных лучах.

Везде на территории лагеря лежали наши ребята. Все мёртвые! Никто не спасся! У кого перерезано горло, у кого вспорот живот, у кого свёрнута голова. Ведь накануне все были пьяные, все уснули крепко, никто даже не представлял, что их ждало этой страшной ночью.

Он подходил к каждому из них в надежде, что кто-то застонет, откроет глаза, попросит пить или что-нибудь ещё, но всё было напрасно. Все были мертвы. Даже командир лежал в своей постели с перерезанным горлом и чему-то улыбался в своём вечном сне.

– Всех порешили, гады! Ни за что порешили! Надо связаться с полком и всё рассказать! И Зотов. Зотов – предатель! Интересно, за сколько он продался? Вот падло! Ладно, мы ещё посмотрим, кто кого! – ворчал, поражённый увиденным, Николай.

Он зашёл в вагончик с радиостанцией, где он вчера вечером работал до последнего послания. Все приборы были методично и аккуратно разбиты. Связаться со своими Николай сейчас не мог. Был такой момент, когда он совсем растерялся, так как не мог придумать, что дальше делать. Но вдруг он увидел на столе не выпитые им таблетки. Их дала ему Таня, ведь у него вчера болел живот. Он пошёл в медпункт, попросил у Тани таблетки, заглянул сюда, но его сильно затошнило, и он побежал в сортир, забыв про таблетки. Таня, Таня, а ведь она ещё там, в сортире. Он совсем забыл о ней. Бедняжка, она же ждёт его, ждёт живого и невредимого, а он совсем забыл о ней! Она же может погибнуть в этой зловонной яме!

– Таня, Танечка! – крикнул Николай в вонючую бездну выгребной ямы. – Это я, Николай! Ты слышишь меня?!

Ему ответило зловещее, зловонное молчание.

– Таня! Ты там? Танечка, ответь мне! Таня!

Вдруг он услышал мычание, доносившееся из выгребной ямы сортира.

«Там! Жива!» пронеслось у него в голове.

– Танечка! Иди сюда! Давай! Тут никого нет!

Мычание усилилось, стало громче, но никто и не пытался сделать хоть шаг к нему на встречу.

«Что делать? Надо же её оттуда как-то вытащить!» думал озадаченно Николай. И тогда он закричал…

– Боец Рыскина, вы где?! – во всё горло заорал он. Но ответом ему была зловещая тишина, даже мычание прекратилось.

– Отвечать, если командир вас спрашивает! – снова заорал он, не надеясь получить ответ. И вдруг…

– Здесь, товарищ командир… – очень тихо и неуверенно ответила Таня.

– Подойдите к отверстию, выходу отсюда, и дайте мне руку!

Опять мычание, переходящее в вой…

– Вы слышите меня, боец Рыскина?! Вы обязаны выполнить мой приказ! Немедленно подойдите сюда! За невыполнение приказа пойдёте под трибунал!

Он понимал, как трудно молоденькой девчонке, которой и двадцати ещё нет, сделать эти два шага. Он больше ничего не слышал. Он ждал. Но вот в очистном отверстии показалось её испуганное, перепачканное нечистотами, личико.

– Давай, детка, иди сюда, дай мне свою руку. Да не бойся ты! Это же я, Николай! Давай, вылезай!

Навстречу Николаю потянулась её грязная, дрожащая рука. Он так обрадовался, что даже немного растерялся, но схватил её, словно драгоценную реликвию, и с силой, на которую был только способен, потянул Таню за эту перепачканную в нечистотах руку на себя.

Вот в очистительное отверстие пролезла её голова, вот, наконец, вылезла она сама. Вылезла и бросилась на грудь к Николаю с рыданиями, истерикой, причитаниями. Она утратила чувство реальности, не понимала, что с ней происходит. Она вцепилась в Николая, как утопающий хватается за соломинку. Оторвать её от себя он никак не мог.

«Что с ней делать?»– думал он. – «Рехнулась девка! Но надо же с ней что-то делать!»

Он резким рывком оторвал её от себя и нахлестал по лицу. Брызги нечистот полетели во все стороны. Но это хоть немного привело её в чувство.

– Стоять! Смирно! – рявкнул Николай. Она замерла, словно в детской игре «Замри». – Руки по швам! Слушать мою команду!

Девчонка смотрела на него каким-то отчуждённым, непонимающим взглядом, и команды выполняла как робот.

«Хоть команды выполняет, это уже хорошо», – отметил про себя он и решил перейти на нормальный разговор без криков, без команд.

– Сейчас ты пойдёшь к роднику мыться. Ты поняла меня? – спросил он, встряхнув её за плечи.

– Мыться, – повторила за ним Таня.

– Может холодная вода приведёт тебя в чувство?

– В чувство… – снова повторила за ним Таня.

– По дороге найдём мыло, полотенца и всё такое, поняла?

– Поняла? – повторила, как попугай, Таня.

«Господи, что с ней делать? Совсем с катушек съехала!» – думал он. Он взял её за руку и повёл за собой. Таня, словно маленький ребёнок, доверчиво следовала за ним, не задавая никаких вопросов.

Они вышли из-за сортира и тут же наткнулись на труп убитого Николаем противника.

– О-ой! – дико взвизгнула Таня, увидев мёртвого человека с ножом в горле.

– Ты чего?! Этот нам уже не страшен, а вот нож его мы заберём с собой. Это оружие нам пригодится, – с этими словами Николай выдернул нож из убитого. – И этот тоже нам пригодится, – сказал он, вытягивая второй нож из стенки комвагончика. Он снова взял её за руку.

– Ну что, отпустило немножко? – спросил он свою спутницу.

– А что здесь было? – уже более осмысленно спросила она.

– Да так, ничего, обычная драка. Подрались, и я его убил нечаянно.

– Но это же враг!

– Я что-то не так сделал? Что тебя не устраивает?

– Он же мог вас убить!

– Мог, но не смог. Мне же надо было тебя из говна вытаскивать! Ведь если не я, то он, и что бы тогда было? Поняла?

– Да, но как же он?…

– Он сидел на крыше комвагончика и ждал нас с тобой. Оттуда весь лагерь как на ладони. Его оставили здесь нас убить, но у него не вышло так хорошо, как у меня, вот и всё. Ну ладно, пошли дальше.

Но Таня долго всматривалась в лицо убитого. Николай не мог сдвинуть её с места.

– А он молодой! Смотрите, у него лицо молодое! – воскликнула она. – Жалко его…

– А наши ребята? Они что, хотели умирать? Вчера как весело было! У каждого были свои мечты. А теперь что? Надо нашим передать, а нечем, всё разбито. Придётся топать к своим, а это день пути, понимаешь? Только не визжи больше и ничему не удивляйся. Чем тише будем себя вести, тем живее будем. Пошли, я тебе по дороге одну притчу расскажу. Пошли.

Он обтёр свои руки об халат убитого, заставил сделать это и Таню, взял её за руку и повёл через лагерь мёртвых к роднику, потому, что душем пользоваться было невозможно. Всё было развалено, разломано, приведено в негодность.

По дороге они зашли в палатку, где до сегодняшнего дня жил Николай. Здесь они нашли всё, что было нужно для купания и переодевания, даже шампунь и туалетную воду.

– А где командир? – вдруг обеспокоено спросила Таня.

– В своём комвагончике с перерезанным горлом. Его спящим…

– Подождите! – воскликнула Таня, и стрелой помчалась к комвагончику.

Через минуту оттуда стали доноситься рыдания, всхлипы, причитания несчастной девчонки.

Николай пошёл за ней, встал в дверях комвагончика и ждал, пока она устанет, успокоится. Он охранял её покой, опасаясь нового внезапного нападения.

А Таня горько плакала над своим убитым другом, защитником, командиром. Гладила его своими, в нечистотах, руками, уговаривала ожить и не разлучаться с ней. Ведь она всей душой любила его, надеялась выйти за него замуж и прожить вместе с ним долгую счастливую жизнь.

Но Николай ничего об этом не знал, он узнал об этом гораздо позже. А сейчас он просто стоял и охранял её. Ждал, когда она устанет, и её можно будет увести, успокоить, когда она сможет адекватно отвечать на его вопросы и выполнять его команды…

Таня неожиданно резко поднялась. В её голубых глазах блестела сталь.

– Пойдём к ребятам. У нас с тобой, Коля, очень много работы. Их надо всех вместе сложить, всех убитых, и накрыть простынями, чтобы мухи на них не садились. А тот, которого ты убил, пусть лежит там. Мы его там простынёй накроем.

– Нет, Таня, мы сейчас пойдём к роднику, вымоемся, а потом всё сделаем. Мухи на нас яички откладывают. Ты что, не видишь? Давай, давай, пошли!

Николай крепко взял её под локоть, вывел из комвагончика и подтолкнул к дорожке, которая вела к роднику.

Утро раннее, бесстрастное, безразличное к бедам людей, беспощадными солнечными лучами осветило гребни гор. Лагерь ещё находился в тени. Туда ещё не успело заглянуть яркое южное солнце.

– Пошли скорее, – звал Николай Таню и тащил её за собой. – Ты пойми, скоро солнце совсем осветит лагерь. И тогда – беда! Мы с мухами справиться не сможем.

– Да и так не весело, – пробурчала Таня, но послушно пошла за ним.

Он вёл Таню к роднику, который находился за палатками бойцов. Струя чистой воды вытекала прямо из скалы в маленькое озерцо, образуя маленький водопадик. Из озерца вытекал ручей и сбегал куда-то вниз.

Николай знал, что они в лагере одни и не надо особо опасаться нападения, но два трофейных ножа всё же, для спокойствия души, держал наготове.

Озерцо, куда впадал родник, по берегам заросло густым кустарником. И только со стороны вытекающего ручья можно было зайти в него. Здесь обычно бойцы набирали воду для кухни, даже помост смастерили, чтобы было удобней.

Сюда Николай и привёл свою спутницу.

– Снимай свою грязную одежду, клади в этот мешок, – он протянул Тане обыкновенную наволочку. Таня нерешительно переминалась с ноги на ногу.

– Ну что ты, дурочка?! Давай, раздевайся! На тебе нож, возьми! Если не можешь расстегнуть, разрежь всё и мойся. Вот мыло, даже шампунь нашёл у кого-то в тумбочке. Нож не потеряй, он может ещё, ох как, пригодиться.

– А вы? Что будете делать вы?

– Я буду тебя охранять. Вот тут я буду, за кустами. Иди, мойся, да побыстрей, и ничего не бойся! Я подсматривать не буду, честное слово! Только смотри, вода очень холодная.

Таня больше не задавала вопросов, и быстро принялась исполнять приказ Николая. А Николай сидел в кустах на камне, охраняя девчонку, и вдруг почувствовал, что в это, совсем раннее, но очень тёплое утро ему стало очень холодно. Холод мокрой лягушкой забрался под, начинающую высыхать, гимнастерку, пробрался до костей и замучил его дрожью во всём теле, которую никак не удавалось унять. Это мешало сосредоточиться, мешало вслушиваться в шорохи страшного, но такого яркого утра.

– Да что же это такое? Тепло ведь, а мне холодно! – бурчал Николай, пытаясь хоть как-то согреться.

Таня вымылась по-военному быстро. Чистая, свежая, одетая в новую, чуть великоватую ей, одежду, она нашла Николая в его укрытии.

– Ну что? Теперь вы? А я покараулю. Вот нож, что вы мне дали. Я его не потеряла!

– Спрячься здесь и сиди тихо. Нож не потеряй и не играйся им, – зачем-то напомнил он ей. – Тебя здесь никто заметить не сможет, если ты сама не обнаружишь себя. Всё, сиди тихо, а я пошёл мыться.

Он отошёл на несколько шагов от места, где он спрятал девчонку, оглянулся, чтобы убедиться в том, что её не видно и произнёс тихо, обращаясь к кустам, что скрыли её: – Тихо сиди, что бы ни случилось, молчи, не вылезай, не обнаруживай себя, поняла?

– Да, – словно под ветерком зашелестели кусты.

Николай не смог расстегнуть ни одной пуговицы. Руки его сильно дрожали, ему было жутко холодно, и уже ничего не хотелось. Но там, в кустах он оставил человека, за жизнь которого он, Николай, отвечал головой. Он должен был, он был обязан!

Всю одежду пришлось разрезать ножом. Снимая гимнастёрку, он почувствовал нестерпимую боль в раненном левом плече.

– Вот, вражина, достал всё-таки, – пробормотал Николай, складывая всю грязную одежду в принесенную им наволочку. Но у него ничего не получалось, всё вываливалось, руки дрожали, в глазах всё плыло, но он понимал, что надо обмыть с тела и из раны на левой руке всю грязь этой страшной ночи. Он понимал, что он нужен, как воздух, той несчастной девчонке, которая сейчас сидит в кустах, худо-бедно охраняя его. Он понимал, что без него она пропадёт.

Он вошёл в воду. Острые иголочки ледяной воды проткнули насквозь его уставшее тело. В голове начало основательно мутиться, но он своей могучей силой воли заставил себя нырнуть с головой, потом ещё и ещё раз.

Вроде головная боль немного поутихла. Николай начал тщательно и методично смывать всю грязь со своего тела, вымыл голову, промыл рану и вышел на берег одеваться. Он одел нижнюю часть своего тела, подхватил чистую гимнастёрку, мешки с грязной одеждой и пошёл к Тане.

А Таня, измученная этой страшной ночью, сладко спала в своём укрытии, как в детстве, сложив обе ладошки под правую щеку.

Николай стоял зачарованный увиденной картиной. Рыжая чёлка освободила высокий ровный лоб девушки. Нежная, молодая кожа лица была тщательно вымыта и сияла чистотой. Глаза прикрывали веки с длиннющими, загнутыми вверх ресницами. Маленький аккуратный

вишнёвый ротик был приоткрыт во сне. Ей, наверное, что-то снилось, потому что глаза бегали под закрытыми веками…

Дальше Николай не успел ничего рассмотреть. Справа в кустах возле лица девушки послышался лёгкий, едва уловимый шорох. Николай перевёл туда свой взгляд и похолодел…

«Змея! Вот, чёрт! Прямо, у её лица! Здоровенная какая!» – Мелькнуло у него в голове. Он механически выхватил из-за пояса трофейный нож и метнул его в змею, несмотря на то, что слишком близко от змеи находилось лицо девушки, такое прекрасное в этот утренний час. Нож прокрутился несколько раз в воздухе и воткнулся в змею, пригвоздив её к земле.

Одним быстрым движением, одним рывком он поднял Таню. Она, ещё сонная, не держалась на ногах. Ей хотелось упасть и уснуть снова. Она сползла по ноге Николая на землю и продолжала спать.

Николай оставил её в покоё, нашёл длинную и толстую палку. С помощью этой палки он схватил змею у головы, затем вытащил нож из земли и из тела змеи, и уже собирался отрезать змее голову, но тут вдруг почувствовал лёгкое прикосновение к плечу.

– Не надо, Коля, не убивай её! Хватит смертей на сегодня!

– Но она же чуть тебя не ужалила!

– Но, не ужалила же, а «чуть» не считается! Это же бессловесная тварь, она ни в чём не виновата, ей неведомы наши склоки. У неё свои дела, а я, видно, помешала ей. И потом, я же спала и не видела её. Я же её не дразнила! Она бы меня не тронула, только неизвестно, когда бы она от меня уползла. Но всё равно, не убивай, отпусти, она выздоровеет, отпусти!

Николай и сам понимал глупость своих намерений. Он снял с руки извивающиеся кольца змеи и бросил её далеко в кусты.

– Спасибо, Коля, ты настоящий друг!

Таня приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку, но, нечаянно, в своём порыве, задела его рану на левом плече. Николай громко взвыл, хватаясь правой рукой за рану.

– Коля, ты ранен?

– Да, я был немного неосторожен.

– А ну покажи!.. Покажи, покажи, что там у тебя такое?

Николай убрал правую руку с раненного плеча, и Таня взялась за голову.

– Рана грязная, вся в гною! Коля, пошли на перевязку!

– Там же всё разбито, разгромлено, ничего там нет, – удивился Николай.

– Да нет же, из этого хаоса я найду всё необходимое, чтобы тебе облегчить боль. Пошли! Смотри, а вот и мой трофейный нож. Я его в сапог спрятала. – С этими словами она достала из голенища сапога второй трофейный нож.

– Ну, ты девка не промах! Молодец, боец Рыскина! Примите благодарность от командования!

– Коля, хватит шутить и паясничать, пошли на перевязку. Это же очень серьёзно!

Они двинулись к палаткам бойцов, за палатками находились оба вагончика – медицинский и комвагончик, и чуть подальше стоял разгромленный и покосившийся вагончик с радиостанцией.

– О, Господи! Вот нелюди, что наделали, как слоны в посудной лавке. – Таня в ужасе осматривала своё хозяйство.

– Я же тебе говорил, что всё разбито. Таня, ты тут разбирайся, а я пойду, выброшу грязные мешки. На улицу не высовывайся, не кричи, сиди тихо. Поняла?

– Да, иди, я здесь.

Николай взял мешки с грязной одеждой и направился к мусорным бакам, которые находились рядом с сортиром. Он спешил, он был осторожен, потому что знал: их жизни в реальной опасности, но не знал, откуда будет нанесен удар.

Николай осторожно подошёл к мусорным бакам, выбросил в них мешки с грязной одеждой и по-хозяйски плотно закрыл баки крышками.

Голова болела, тело ломило, раненная рука не давала покоя. Николай возвращался к Тане в медвагончик. Мухи не отставали, гудели, носились над ним как самолёты, заглушая его собственные шаги. Они нещадно кусались, вились над раной и причиняли ему всё новые и новые страдания.

Вдруг что-то непонятное заставило его вслушаться в звенящую тишину этого зловещего, но такого ясного утра. Он остановился, пытаясь определить характер и направление этого пугающего звука. И вот он отчётливо различил какой-то неясный гул, доносившийся откуда-то издалека, будто где-то далеко, высоко в воздухе работал, не переставая, мотор. Николай всматривался в синюю высь голубого утреннего неба.

«Хоть бы облачко, хоть бы тучка…» Мурлыкал он слова знаменитой песни Высоцкого.

«Что бы это значило?» Думал он.

Но звук то приближался, то удалялся, рокотало то справа, то слева, то где-то впереди, то у него за спиной. Ну, никак не мог он сконцентрироваться, сосредоточиться и определить, откуда исходит этот звук.

Вдруг он увидел очень далеко, высоко в небе над горами чёрную точку не похожую на птицу. Она была ещё очень маленькой, очень далеко, но стремительно приближалась к лагерю, увеличиваясь в размерах.

– Что бы это значило? – проговорил он свои мысли вслух. – НЛО какое-то. Таня! Таня, ты слышишь?!

Таня стояла на пороге медвагончика и тоже наблюдала за небом.

– К нам гости! – крикнула она ему в ответ. – Кто бы это мог быть?!

– Таня, быстро в укрытие! Маскируйся!

Ей не надо было повторять приказ. Она мгновенно исчезла из проёма двери.

– Не высовывайся! Сиди тихо! – крикнул он, сам же быстро исчез под комвагончиком.

А звук нарастал и неуклонно приближался. Теперь Николай понимал, что это вертолёт, который точно держал курс на «Лагерь Убитых».

– Проверить решили. У-у гады! – пробурчал он.

Маленький, будто игрушечный, вертолётик вынырнул неожиданно из-за горы и быстро приближался к лагерю. Его стеклянный купол задорно сверкал в ранних утренних лучах восходящего солнца. Вот он завис над лагерем и начал медленно, как-то осторожно спускаться.

Николай соорудил пункт наблюдения у колеса комвагончика. Он надел гимнастёрку и спрятался в тень. Его не могли обнаружить с воздуха, но он их видел хорошо. Их было трое вместе с пилотом.

– Эх, пальнуть бы в вас, да нечем! Единственный пистолет, да и тот не почищен! Мы безоружные, надо сидеть тихо. Хоть бы Танька не подвела! – разговаривал он сам с собой.

А рокот нарастал. Казалось, что вертолёт кружит, как большая навозная муха, над головой, взбивает своим гулом воспалённые мозги. Этот стрекочущий рокот залезал непрошенным гостем в каждую складочку уставшего, больного тела и разрушал его.

Вот вертолёт спустился совсем низко. Будто ураган пронёсся над лагерем. Полотнища палаток захлопали под сильным ураганным ветром от работающих лопастей винта вертолёта, столбы пыли взметнулись в воздух.

Люди в вертолёте что-то высматривали, фотографировали, снимали на видеокамеру и, казалось, не будет конца этому сумасшедшему рёву, который тысячами раскалённых прутов вонзался в голову, глушил, мешал думать.

– Что же вы ищете? Фотографируете и делаете кино о своих ночных художествах? Что же вам нужно? Ну, делайте посадку, и будем вести конструктивный обмен мнениями и оружием, если не возражаете. Давайте, давайте, садитесь! Добро пожаловать!

Но вертолёт и не думал делать посадку. Он кружил над лагерем, словно ворон, вынюхивающий добычу.

– Что, нас ищете?! Ну, давайте, давайте, ищите! Поиграем с вами в казаков-разбойников, а может и вертолётик ваш позаимствуем, если повезёт чуть-чуть. Только присядьте, будьте так любезны и начнём прения!

Но вертолёт кружил над лагерем на высоте нескольких метров, зависая над тем или иным местом территории, и упорно не собирался делать посадку. На его борту люди, одетые в чёрное, вооружённые автоматами и фото- и киноаппаратурой, увлечённо работали.

– Ну, вражьи морды, давайте, садитесь! Может, в ножички поиграем? Мне в последнее время очень приглянулась эта игра. Может, мне в третий раз повезёт?!

Но вертолёт неожиданно взмыл в высь. Очевидно, люди на его борту завершили весь объём своих исследований. Шум постепенно затихал. Вертолёт скрылся за горой.

Надо было вылезать из своего укрытия, надо было искать Таню.

«Интересно, где она спряталась? Ну, молодец девка, как будто её вообще нет», – думал Николай, вылезая из-под колеса комвагончика.

– Чёрт побери, рука! У-у-у! Ну, чего же она так болит?!

Николаю становилось немного легче, когда он говорил сам с собой. Ему казалось, что его посадили в чан с кипятком, облепили всё тело горчичниками и не собираются отпускать из рукотворного ада. Голова раскалывалась, всё тело ломило, не было сил двигаться.

Собрав волю в кулак, Николай отправился в медвагончик. Остановившись на пороге и не решаясь войти внутрь, стал оглядываться, искать Таню, но, к своему удивлению, не смог нигде её обнаружить.

За кушеткой лежала большая груда тряпья, порванного, грязного, годного, разве что, на утилизацию. Он даже не обратил на эту кучу внимания.

– Таня, Танечка, ты где? Ты здесь? – спросил Николай.

К его удивлению, вдруг куча тряпья зашевелилась и оттуда показалась Танина голова.

– Ну, что, гости улетели? – спросила Таня.

– Да, улетели. Вот, гады, что-то искали, фотографировали, кино снимали…

– Ну, улетели, и, слава Богу. Теперь тебе надо перевязку срочно сделать, рану обработать, – сказала она, вылезая из кучи тряпья. – Давай, покажи свою руку. Я ведь весь Н/З нашла. Они туда не добрались, не нашли. Коля, ты весь горишь! Давай быстрее посмотрим твою рану!

Николай снял гимнастёрку. Таня в ужасе схватилась за голову. Рука у Николая сильно отекла, рана разбухла, загноилась, от неё нехорошо пахло, и боль… Николаю было нестерпимо больно двигать левой рукой.

– Коля, это уже опасно! Сейчас я промою рану, сделаю тебе несколько уколов.

– Куда? Я уколов боюсь!

– В ягодицу. Это обязательно. Не бойся, я сделаю не больно. У меня рука лёгкая. Всё необходимое сохранилось. Не бойся!

– «Мне отрежут только пальчик, так мне доктор говорил!» И удрать нет сил. А это больно?!

– Не говори глупостей! Я же только что тебе объяснила! Рана очень грязная. Давай, будем промывать. Ого! Мухи уже яичек успели наложить, а ты упираешься, как маленький!

Николаю очень хотелось удрать от такой добросовестной медсестры. Он чувствовал себя учеником первого класса средней школы, которого привели на прививку. Но сил не было и ему пришлось сдаться.

Таня начала обрабатывать рану. Николай отвернулся. Он не хотел смотреть, что она делает, только постанывал, кряхтел и охал, но ему всё же было не больно.

– Ты знаешь, Танюха, я крови боюсь.

– Да, я заметила, особенно, когда ты этого бандита и змею…

– Так это ж другое дело! Это ж не моя кровь. И, потом, мы на войне! Тут кто кого. Кто быстрее, тот и победил. А тебе было бы лучше, если бы он в меня ножичком попал?

– Да нет, что ты. Коля! Это я тебя дразню, чтобы тебе не так страшно было.

А ему было не больно, даже немного приятно, но всё тело ломило, голова раскалывалась и, всё равно, было страшно смотреть на рану.

– Я ведь своей крови боюсь!

– Коля, всё, я перевязываю. Подержи бинт вот тут. Ой, нет! У тебя такие грязные руки! Я сама сделаю.

– Под комвагончиком грязновато было, ты уж извини, Там давно не убирались, – пробурчал Николай.

Таня перебинтовала ему рану на плече, не обращая внимания на недовольное бурчание раненого.

Но самым удивительным было то, что эта невыносимая боль немного отступила. Стало даже как-то легко и спокойно.

– Так, давай, подставляй! – вдруг скомандовала Таня.

– Что? – изумился Николай.

– Ну, свою ягодицу! – смущённо, но твёрдо сказала девушка.

– А может не надо? Я знаю, сейчас будет очень больно!

– «Надо, Федя, надо!» И ещё под лопатку – от столбняка, – сказала Таня словами из знаменитого фильма.

– Я не Федя, я – Коля! И, всё равно, я боюсь! Ты меня заколешь!

– Хорошо, Коля, трус несчастный! Давай, поворачивайся! А хочешь, ложись на кушетку.

– Как?

– К верху задом! Давай, ложись, я быстренько всё сделаю. Я тебе обещаю, что не будет больно!

– Да, обещаешь! Все вы только обещаете! Я знаю, обманешь! – бубнил он себе под нос. Бедняга нерешительно топтался на месте, он стеснялся, и ему, действительно, было страшно. Николай по-настоящему сильно боялся уколов.

– Девчонке свой зад показывать! – привёл он последний исчерпывающий аргумент.

– Ну, вот и здрасте! – возмутилась Таня. – Я сейчас не девчонка, я – медсестра! А вы, товарищ командир, здесь обязаны мне подчиняться! Не подчинитесь, я рапорт в командование отправлю! Пойдёте под трибунал!

– Ах, ты ж! Ах, ты ж! Я ж тебя, как маленькую спасал, я ж тебя оберегал, а ты меня в зад колоть и под трибунал?! – возмущённо воскликнул Николай.

Таня стояла со шприцом в руке. Она была непреклонна.

– Товарищ командир, немедленно ложитесь на кушетку! Вам надо антибиотики ввести и противостолбнячную сыворотку, и ещё обезболить надо. Да, вы же обещали мне что-то рассказать, да так и умолчали, зажали предназначенную мне информацию! Давайте, ложитесь на кушетку и рассказывайте!

Пришлось подчиниться. Упрямая девчонка со своим шприцем нависла над ним, над его ягодицами. И, не выдержав, он запричитал:

– Я уколов боюсь, с детства боюсь! Панически боюсь! Танечка, ну не надо, пожалуйста, не надо!!!

– Я это уже слышала, а вот то, что обещал рассказать – нет. Давай, рассказывай, герой!

– А-Ай!

– Да подожди ты, не дёргайся! Ещё два укола!

– А-Ай! А-Ай!

– Да, всё уже! Коля, всё! Одевай штаны и немного полежи. Может жар хоть немного спадёт.

Николай подтянул брюки, застегнул ремень и повернулся на бок лицом к Тане.

– Нам надо уходить! Ведь они вернутся. А нам день идти к своим. Эх, если бы рация была!

– Коля, сейчас ты встанешь и посмотришь. Мы с Аркадием здесь хранили документы и радиодетали. Но сейчас полежи немного.

– Да некогда лежать! Давай, показывай, что там у тебя? Они же вернутся! У нас нет времени.

Таня стала разгребать тряпьё и откуда-то из-под кушетки вытащила на свет божий металлический ящик.

– Что это? – осторожно спросил Николай.

– Понимаешь, Аркадий уже давно перестал доверять Ваське. Арчи подозревал, что Васька нечист на руку, но поймать этого гада никак не мог. Тому всё сходило с рук. И Арчи, это я так Аркадия называла, решил всё секретное хранить у меня. Я знаю, ты скажешь, что мы с ним нарушали устав. Ведь все знали, что он ко мне не лечиться ходил, но никто не знал, что он тут хранит всё самое секретное.

Николай стал молча перебирать документы. Их было не очень много, но информация в них содержалась достаточно объёмная и очень ценная.

– Так вот за чем они охотятся! – воскликнул Николай. – Тут же точная карта местности! На ней нанесены все наши точки, все расположения наших войск на этой территории! Эта карта дорогого стоит! Какие вы умницы! Её надо спрятать, она не должна попасть в руки к бандитам.

– Коля, посмотри, там внизу ящика. Там полно радиодеталей. Может, ты сможешь это куда-нибудь пристроить, что-то из этого сделать?

Николай вытащил все, оставшиеся, бумаги из ящика, заглянул внутрь его и радостно захлопал в ладоши. Тане было странно смотреть на взрослого мужчину, хлопающего в ладоши и не обращающего на неё никакого внимания, ничего ей не говорящего.

– Ну, и что на этот раз? – возмущённо спросила она.

– Танечка, девочка моя, мы, кажется спасены! Если я найду у себя аккумулятор, хоть чуть-чуть целый…

– Можешь не искать. Целый есть. Он там, в тряпье под кушеткой.

– Танечка, ты – ангел! Давай его сюда!

– Да он же тяжеленный как чёрт! Мне его не поднять. Как же быть?

– А, ладно, пусть там стоит. Я сейчас его проверю.

Николай разбросал тряпьё, нашёл аккумулятор и проверил его. Эта процедура заняла несколько минут.

Он завершил свою работу и повернулся к Тане. Он был так счастлив, что трудно было поверить, что он ранен, что у него жар, что всё его истерзанное тело ноет и болит.

– Таня, он рабочий! Я сейчас паяльник принесу, посмотрю, что там ещё можно использовать. Хоть что-то, да должно уцелеть. И мы с тобой смастерим передатчик. Я составлю донесение и передам в штаб. Таня, нам не надо никуда идти. Наши придут скоро, вот увидишь! – возбуждённо предсказывал он. – Ну, я пошёл.

– Я боюсь одна оставаться. Я пойду с тобой, – тихо сказала Таня.

– Танечка, я быстро! А ты здесь будь. Если что услышишь, сразу прячься. Береги бумаги. Это самое ценное, что у нас есть. Это ценнее наших с тобой жизней вместе взятых.

– Нет, мне страшно, я пойду с тобой!

– Боец Рыскина! Что это такое!

– …

– Я вас спрашиваю, что это такое?! Вам необходимо находиться при документах, чтобы они не попали в чужие руки. Вам понятно?!

– Коля, я очень боюсь! Ну, очень! Как ты уколов…

– Танечка, я быстро. Ты собери аптеку. Всё, что нам пригодится. Всё упакуй. Мы ведь скоро уйдём отсюда. А я сейчас вернусь, я скоро! А где твой нож?

– Вот!.. – Таня вытащила из голенища своего сапога трофейный нож.

– Это твоё боевое оружие. Ты поняла? Я тебе оставлю свой пистолет. Его надо почистить. Сумеешь? Он… Ну ты сама знаешь в чём.

– Я… Хорошо, я всё сделаю. Я умею, Арчи тоже меня просил иногда…

– Ну, вот и умница. Давай помогать друг другу. Целее будем. И, может быть, спасёмся. Ну, я пошёл. Не дрейфь, старушка!

Николай отправился в вагончик с радиостанцией. Здесь всё было методично разбито, только таблетки лежали на блюдце, и рядом стояла чашка с водой. Это было цело, даже воды ни капли не пролито.

Николай стал внимательно осматривать погром. Он нашёл необходимые инструменты, немного провода, паяльник, уцелело несколько ламп, кнопки выключателей, наушники и ещё масса деталей, ценных для него в данный момент. Даже свою дорожную сумку он нашёл. Она стояла под столом с его личными вещами нетронутой.

Он быстро вытряхнул содержимое своей сумки на пол, сложил в неё отобранные в этом хаосе детали, провод, паяльник, в карман сумки сложил своё нижнее бельё и вернулся в мед-вагончик.

За время его отсутствия Таня собрала аптеку в один большой кулёк, другой кулёк был заполнен перевязочными материалами, в третьем кульке лежали документы.

– Нет, Таня, так много мы с собой взять не сможем. Немного упрости задачу. Отбери только самое необходимое. У нас с тобой только четыре руки.

– Но тут всё, что тебе необходимо: медикаменты, бинты…

– Ладно. Сейчас разберёмся. Сюда ведь ночью можно будет вернуться. Но сейчас – всё самое необходимое и по минимуму. Не отягощай себя.

– Хорошо, сейчас всё пересмотрю.

– Вот это разговор! Пересматривай, а я буду делать передатчик.

Николай отбросил тряпьё в сторону, освободил аккумулятор и стал трудиться над передатчиком.

– Интересно, который сейчас час? – спросила Таня.

– Около восьми часов утра. Часы у меня в сортире погибли, я их там и выбросил. Жалко, жена на день рождения подарила.

– А какая она у тебя, хорошая?

– Кто, жена? Да, она у меня золото. Это у меня самый дорогой человечек на свете. Дети вырастут, разлетятся, а она со мной останется, понимаешь?

– Не знаю, мне не удалось. Всё мимо меня проходило. Казалось, уже вот, нашла, уже счастлива, и опять мимо!

– Танечка, я сейчас включу. Должно работать. Если получилось, то мы спасены.

– Коля, смотри, лампочки горят, мигают. Колечка, пусть заработает! – взвизгнула от нетерпения Таня.

– Так оно уже работает! Смотри, видишь, можно слушать, можно передавать.

– И что теперь?

– Подожди, где бумага? И ручку дай.

– Вот.

– Я сейчас составлю донесение и передам. Будем ждать ответ. Но это не долго, не пугайся!

Николай быстро написал что-то на листе бумаги, подошёл к сооружённому им прибору и приступил к работе.

– Получилось! Танька, получилось! Передал!

– А теперь что?

– Теперь будем ждать, потом замаскируем это хозяйство и уйдём недалеко. Будем ждать своих.

– А если они не ответят?

– Да подожди ты! Надо подождать. Не суетись!

– Что ты мне хотел рассказать, что-то интересное?

– Да, так, притча одна такая. Ну, слушай. На лугу паслась корова. А воробей всё летал вокруг неё, интересовался, чем корова занимается на лугу. Неосторожно подлетел воробей к ней сзади, а корова, возьми, да исполни свой коровий долг прямо на воробья. Сидит воробей в куче навоза, трепыхается, пытается выбраться. Никак у него не получается. А мимо кошка пробегала. Не брезгливая оказалась. Увидела воробья, поняла, что он беспомощный, улететь не сможет. Вытащила его из кучи навоза и съела беднягу.

– Ну и что?

– В этой притче знаешь, какая мораль?

– Какая?

– Не тот враг, кто на тебя навалял, и не тот друг, кто тебя из этого дерьма вытащил.

Таня залилась серебристым смехом. Её смех тысячами весёлых колокольчиков рассыпался вокруг.

– С нами тоже что-то подобное случилось! – со смехом едва выговорила она.

– Подожди, нам отвечают, тихо.

Николай стал записывать на листе бумаги то, что он слышал в наушниках. Таня притихла и ждала.

– Танечка, нас услышали, нам ответили. Я правильно сказал. Нам надо немедленно покинуть лагерь, ничего и никого не трогать. Уйти недалеко, замаскироваться и ждать. За нами придут. Сигнал – зелёная ракета. Поняла?

– А это куда? – спросила Таня, указывая на передатчик и аккумулятор.

– Я это сейчас разберу. Мы его замаскируем и оставим здесь. А сами уйдём.

Разобрать и замаскировать передатчик с аккумулятором, было делом пяти минут.

– Ну, что, ты собрала медикаменты?

– Вот, смотри, два кулька, я всё упростила.

– Ладно, давай ещё по воду сходим и хоть хлеба с колбасой наберём. Кто знает, сколько ждать придётся.

– А как ты себя чувствуешь, рана болит?

– Вроде боль немного поутихла. Некогда об этом думать. Найди фляги для воды и пошли отсюда.

Таня нашла четыре фляги, уложила их в пакет, Николай сложил аптеку и документы в свою сумку, и они отправились в путь. По дороге зашли в пищеблок, Взяли буханку хлеба, колбасы, подошли к роднику, умылись, набрали воды в принесенные с собой фляги и пошли по едва заметной тропинке прочь от лагеря, прочь от такого страшного места. Надо было спрятаться где-то поблизости, надо было наблюдать за покинутым лагерем, где было столько убитых, к которым им нельзя было даже прикоснуться.

– А что у тебя в сумке? Ещё что-то прихватил?

– Да, одеяло, чтобы не замёрзнуть случайно. Сейчас я найду место, где мы спрячемся. Там мы будем сидеть до тех пор, пока наши не придут. Будем сидеть тихо-тихо. Будем ждать своих.

– Ждать тяжело!

– Ну, конечно, ждать, да догонять – хуже нет. А ты представь, что мы не прячемся, а идём отдыхать на природу, устроим маленький праздник, и будем радоваться жизни. Ты есть хочешь?

– Хочу.

– Ну, вот видишь, я прав?! Извини, вино забыл взять с собой.

– А я с пьянством завязала, – серьёзно сказала Таня, а потом весело рассмеялась.

Они поднимались вверх, в гору по едва уловимой глазом тропинке, стараясь не оставлять за собой никаких следов. Тяжёлая ноша мешала идти. Но это был их жизненный запас. Без него им долго не продержаться. Николаю казалось, что всё вокруг: и скалы, и деревья, и тропинка, и птицы в небе – всё вокруг красного цвета. Рука снова начала сильно ныть, голова раскалывалась от сумасшедшей боли, двигаться стало тяжело.

– Коля, тебе снова плохо?

– Да, есть немного.

– Давай остановимся, я тебе укол сделаю, обезболю немного.

– Наверное, давай, делай, а то красный туман в глазах.

Они остановились. Таня быстро нашла нужные медикаменты и сделала укол Николаю. Он уже не стеснялся, не боялся, ему было не до того.

Они сидели на тропинке, на камнях, нагретых солнцем, и отдыхали.

– Коля, тебе хоть немного лучше, или нет?

– Да, вроде боль немного утихла. Надо идти дальше. Здесь, на открытом месте мы являемся очень хорошей мишенью для желающих поохотиться. Пошли дальше.

– А куда мы идём?

– Вверх, чтобы видеть сверху, что там, в лагере делается. Танечка, ещё немного вверх поднимемся и остановимся. Давай, не отставай, пошли.

Они снова стали подниматься по тропинке вверх. Багаж обрывал руки. Идти было тяжело. В некоторых участках своего маршрута они волоком перетаскивали такие тяжёлые кульки и сумки.

– Теперь ты поняла, почему я тебе приказал пересмотреть багаж, который ты набрала в дорогу? Ты поняла, почему нужно было брать минимум вещей с собой? – спросил Николай на очередном привале.

– Угу, поняла, – отдуваясь, сказала она. Посмотрев вниз, она добавила: – Коля, посмотри, отсюда весь лагерь видно. Может, хватит идти вверх?

– Тут негде спрятаться, нас любой дурак заметит. Надо искать какое-нибудь убежище.

– А вон какие-то кусты. Давай, посмотрим, что там.

– Хорошо, я пойду туда, а ты посиди на тропинке и понаблюдай за мной. Сможешь ты меня обнаружить, или нет?

– Ладно, давай. Оставляй поклажу и иди. Я смотрю, иди.

Николай отправился к кустам, на которые указала Таня. Здесь тропинки не было. Надо было идти очень осторожно, чтобы не попасть в случайный оползень и не свалиться вниз.

Он не зря трудился. В кустах он обнаружил небольшой грот. Здесь можно было укрыться и от врагов и от непогоды. Это был подарок судьбы. Николай удовлетворённо крякнул.

– Ну, вот и хорошо, тут и остановимся. Таня! – негромко крикнул он. – Ты меня видишь?

– Нет!

– Ну, вот и ладненько, остановимся здесь. Я иду к тебе!

Он осторожно проделал обратный путь к тропинке, взял часть поклажи и пошёл к заветным кустам.

– Я с тобой! – сказала Таня, догоняя его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.